

Аркадий Чужой

**РЫВОК
В НЕИЗБЕЖНОСТЬ**

Записки
младшего лейтенанта милиции.
Таёжная повесть

Аркадий Чужой

**Рывок в неизбежность.
Записки младшего лейтенанта
милиции. Таёжная повесть**

«Издательские решения»

Чужой А.

Рывок в неизбежность. Записки младшего лейтенанта милиции.
Таёжная повесть / А. Чужой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859538-7

«В огромной бескрайней тайге два человека не могут договориться друг с другом о спасении своём, готовы погибнуть от голода и опасности, стоя на своём — лишь бы победить соперника. До какого ж абсурда ещё может опуститься человек в своём противостоянии с идиотизмом!?» — так в отчаянии восклицает герой таёжной повести, пытающийся спасти преступника от гибели, который сопротивляется, старясь вырваться из рук правосудия и избежать наказания в экстремальных таёжных обстоятельствах.

ISBN 978-5-44-859538-7

© Чужой А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	16
6	18
7	20
8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рывок в неизбежность
Записки младшего лейтенанта
милиции. Таёжная повесть

Аркадий Чужой

© Аркадий Чужой, 2017

ISBN 978-5-4485-9538-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Ну что ж, поздравляю! По рекомендации горкома комсомола, вы приняты, юноша в штат на законных основаниях и, как говорится, вот и первое поручение, цените! – потирая руки, говорил мой новый начальник. Он расхаживал по небольшому, но добротнo обставленному кабинету, посматривая на новоявленного работника с какой-то... хитрецей.

Дело было в далёкие семидесятые годы, в Якутии.

Начальником отдела, куда меня только что приняли, был, небольшого роста, плотный, коренастый, слегка косолапый подполковник милиции Ермолов Иван Иванович – якут, как говорят, без примесей. Настоящий, плоть от плоти – якут. На вид он казался «добреньким» и напоминал мне почему-то знаменитого Дерсу Узола. Но на самом деле это был очень не простой, умный и весьма требовательный мужик. Вредных привычек не имел, но, как многие в Якутии нюхал табак.

От такого известия я был несколько озадачен – не успел «дембельнуться» и нате вам с кисточкой, как с корабля на бал! А подполковник будто и не замечает моей озабоченности, нюхает свой табачок и чих да чих, чих да чих...

– Эх, табак! Всем табакам табак! Хочешь? – предложил он мне.

– Да, нет, товарищ начальник, я сигареты лучше... – промямлил я.

А он на это, свой «козырь», – Э, нет, это-то как раз и хуже. Впрочем, как знаешь. Ну, что молчишь? Спрашивай...

Я стою, переминаясь с ноги на ногу.

– А про что спрашивать – то? Начальник удивлённо вскидывает свои брежневские брови – Ну как про «что»?! Само собой про первое твоё задание? Куда, зачем, надолго ли? Ермолов подошёл к столу, взял папку, раскрыл – Вот, за этим вот и поедите. Здесь нюансы и прочие тонкости. Обо всём подробно знает старший егерь нашего района товарищ Сафонов он и введёт в курс дела. Кстати, в тайге приходилось бывать? – интересуется, между прочим, начальник.

– В какой тайге? – глупо переспросил я.

– В обычной, нашей здешней тайге, – уточняет подполковник. – Знаешь разницу между лесом и тайгой?

Ничего себе вопросы, думал я, причём здесь какая-то тайга и моя командировка? Я был полностью сбит с толку, но вида старался не подавать – Ну, – пытался я хоть как-то сформулировать своё мнение о том, чего вообще не знал.

– По-моему ничем. Лес как лес...

– А тайга это тайга?! – захохотал старый якут и вновь достал свой запашистый кисет.

– Тайга, голубчик, это тебе не просто лес, это очень большой лес, бескрайний как океан... – скрипел Иван Иванович хромовыми сапожками, прохаживаясь по кабинету своему, как по классу перед учениками.

– Это, мил человек, ни в лес по грибы, это тайга – матушка... Её мало любить – знать её надо, мало – мало. Короче, служивый на всё про всё у вас неделя: на подготовку, сборы и прочее. Обязательно повидай егеря, познакомься, он и проинструктирует что почём, – закончил Ермолов, присев на краешек стола. Прокашлявшись, я произнёс

– Разрешите вопрос, товарищ начальник?

– Так и я про то ж! Давай, спрашивай.

– Так это что ж получается, в тайгу что ли, командировка-то? – выдавил я, плохо скрывая недовольство. А якут будто и не замечает моё нарастающее беспокойство.

– Ну не в Парижи же тебя посылать, кофеи распивать?! Да это, парень, с твоей срочной, на раз пописать – месячишко какой – то. Зато дело сможешь проверить, охрану осу-

ществишь, группы лесников и егерей. В каком звании закончил службу? – Ермолов заглянул в бумаги, – Ага... старший сержант, получишь погоны младшего лейтенанта, досрочно. Потому как будешь власть представлять, почётная миссия – гордись! А ты губы дуть... Нам люди позарез нужны, нехватка кадров у нас, понимаешь – Ну, ещё какие неясности? У меня скоро совещание. Иди мало-мало отдыхай, командировку оформляй, форму получай, ну что там ещё? Ты ж музыкант сообразительный парень, давай не дрейфь, действуй.

Я не своим голосом произнёс – Разрешите идти? На что начальник весело кивнул, и я как ёжик в тумане вырuling в коридор.

– Эй, музыкант, ты чё такой квёлый, чё не весел, пошто головушку повесил?! – Засыпал расспросами здешний водила. – Чё уже на «ковре» побыл? Ну и как? – тормозил он меня. И я будто проснувшись, промолвил:

– Какой «ковёр»! Тут похлеще будет – командировка! С корабля, понимаешь, на бал. Вот такие тебе ковры-самолёты.

Водила, похлопав по плечу меня, стараясь приободрить, предложил,

– Идём, перекурим это дело.

И мы вышли на свежий воздух.

Вечерело... Жара спадала понемногу. Дул лёгкий освежающий ветерок. Закурили. Некоторое время стояли, молча, думая каждый о своём.

– Вот, блин, а? У меня ж жена заждалась, а тут эта канитель!..

Ну, ё – моё!.. – возмутился я, ища поддержки у коллеги-сотоварища.

– М – да, – рассудительно выпустил колечко сигаретного дыма Николай (так звали водителя). – И ведь ничего тут не попишешь – служба!

– Ну да – вздохнул я, гася окурок. – Ладно, бывай! Пойду, обрадую свою женщину. А она, – почему-то шепотом вымолвил я, – ужин дома сейчас готовит, при свечах! А? Во, блин!

– Да ладно, поймет, поди, столько ждала, подождёт ещё чуток – служба же?! – рассудил Николай.

– Надеюсь... Ладно, пока. Спасибо тебе, Николай. Пошёл.

Коля улыбнулся лишь на это как-то виновато, мол – кабы мог – помог... Я, махнув рукой, потопал в общагу, где у нас с женой была своя комнатуха.

Дома, понятное дело, радости от такого известия было мало. Но, жена на удивление, приняла сообщение весьма сдержанно, стоически, хотя и ощущалась лёгкая досада. А вот в моей душе кошки скребли. Ни на это я настраивался, торопясь домой. Надеялся погулять – отдохнуть месячишко... Ан нет, человек предполагает, а Бог располагает! Короче, дело к ночи – пролетела неделька моя – вмиг, и вот отъезд.

2

Познакомился я с товарищем Сафоновым и с группой нашей таёжной – всего набиралось нас, пять человек. Три инспектора природоохраны, по совместительству охотники – профессионалы, среди коих Миша якут, пару лесников, сам егерь Сафонов ну, и я, каким-то боком.

В назначенное время собрались к месту отправления – на пристани реки Лены, сидим, дымим, комаров кормим. У всех мужиков рюкзаки, у меня же – сумка для поездок, была такая в моём хозяйстве. Собираясь в дорогу, я не знал, что с собой брать – не бывал в тайге никогда! Ну и насобирал – хрен да маленько! Уже потом выяснилось, что больше половины – балласт. Сумища получилась тяжеленная, неподъёмная. Мужички косились на мой багаж да похохатывали – куда, мол, столько?! Я смотрел, смотрел да и ляпнул, как бы оправдываясь:

– Чё вы ржёте? На месяц же!..

А у мужиков рюкзачки и только-то. Ну, ещё за спинами кой у кого ружья, ножички на поясе, снасти и всё. Жара стояла ужасная, духота изматывающая. Из объяснений Сафонова я понял, что мы едем куда-то в Тмутаракань, на какую-то заимку «Глухая». Сафонов успокаивал – Да ты не дрейфь, с комфортом доберёмся, быстрёхонька. Я тогда спросил – а на чём ехать? Егерь ответил

– Да на перекладных. Нормально – раз и тама!

Один из нашей группы возился у воды с моторкой, шестой член нашей команды, не входящий в инспекционную бригаду, отвечающий только за транспорт, ну и так по мелочам.

Надо сказать, что правый берег у Лены гранитный, высоченный, левый наоборот – пологий и по обоим берегам буйной жизнью фонтанировала тайга.

Стояла тишина – ушам больно. И вдруг как заревёт пара застоявшихся движков лодки – я даже подпрыгнул, будто ошпарило!

– Ни чё себе, блин! Ну и акустика!.. – ошарашено улыбался я, маскируя испуг. Мужики ржанули малость, на что Сафонов сказал:

– Хватит вам ржать, мерины гортоповские. Чё Сеня, готов чё ли? А то время!.. – прокричал вниз Сафонов.

– Да щас... Скоро ужо... – пришёл ответ от воды.

Через некоторое время показалась голова Сени из-под обрыва с измазанным мазутом лицом, точно из земли проклюнувшаяся:

– Всё! Карета подана! Просю... И скрывшись из вида, Семён затопал по ступеням лестницы, сбегая вниз к реке.

Мы спустились к воде, погрузились под командой старшего, уселись.

– Ну, обвёл всех глазами егерь, всё что ли? Тогда отчаливай!

Вай – вай – ай – ай – подхватило долгое, раскатистое эхо. Моторы набрали обороты, и мы тронулись. Плыли весь день без передыха. Перекусывали прямо в лодке, на полном ходу. Правда, ход у этой посуды был, мягко говоря, черепаший.

Но поскольку шли мы по течению, скорость казалась добротной. На вёслах мне доводилось немного передвигаться, но это было каких – то пару раз на рыбалке, но так что бы до полусуток к ряду – никогда.

А между тем путь наш продолжался. Величавая Лена была норовистая река, своенравная, глубокая, с мощным течением. Высокие берега её короновала ВЕЛИКАЯ, НЕПРОХОДИМАЯ ТАЙГА. Все двенадцать часов хода – тайга по обоим берегам!.. Красотища необыкновенная. Воздух – чистейший. И по всему пути – ни души!

– А чего это людей-то не видать?, – Спросил я бодрясь, но «бодрость» эта моя получилась какая-то... квашенная.

– Мало-мало тайга – промолвил якут густым баском.

– Здесь хорошо думается, успокаивающе проговорил егерь. – А люди, что ж и люди будут. Поспеется.

– Ладно тебе горевать! – Проскрипел борода-охотник (прозвище было такое у Паши охотника).

– Присаживайся сюда, составь компашку в картишки.

– Ну, разве что, поддержать компанию, – согласился я и увлёкся на некоторое время нехитрой игрой. Играя, я думал: – Странно, работаю вот вроде в милиции, но, не милиционер, музыкант при отделении, но не играю, а невесть куда плыву – еду, в командировку! Чёрте что! И так думая, стал не заметно для себя кимарить...

– Ну, ты чё, блин! Чё ты подкидываешь – то? Мухлюешь?! – возмущается Горбуненко, насупившийся, молчаливый лесничий. Борода ему на это возражает:

– Да какой там, малой-то наш – спит... Кто-то уж и запел тихохонько-«баю-бай...»

Сафонов цыкнул на певуна:

– Ну, чё вы, ё моё! Пушай паря спит! Здоровья добирает! Неожиданный вопль, приводит меня в норму! Кричал Мишка якут :

– Вона, видишь мало – мало? Хозяина!..

Я спросонья не сразу понял – какой такой хозяин?

– Где, какой хозяин? – обернулся я к якуту.

Мишка тыкал пальцем куда-то вверх

– Вона, во – о – она, твоя видит? – Шептал он мне на ухо. – Лютая зверя! Ух, лютая...

Я пригляделся – Да нет, ни чё не вижу...

Сафонов тычет в бок биноклем – На, вот, глянь. Экзотика. Я навёл резкость в указанном направлении, – Точно! Вижу!!! – Вскричал я.

– Да это, братцы, похоже, медведица... Ну, да, вон и малыши, двое, передавая бинокль обратно егерю, восхищался я.

– Кормятся, – ответил Сафонов.

Борода добавил – Сейчас для них еды – ешь, не хочу! Пусть себе пасутся.

Дальше шли без особых приключений. Все, видно было, подустали, разомлели на жаре...

Слава Богу, день к вечеру катился.

– Ну, подал голос Сафонов, скоро причаливаем.

Ну, наконец – то, подумал я. И зря.

Потому как это была лишь часть нашего длинного пути.

– Дальше-то на чём? – поинтересовался я. Никто мне почему-то не отвечал – заняты были люди разгрузкой и прочей работой.

Я, естественно, тоже принимал в этом посильное участие.

Семен, получив установку Сафонова – ждать на запасной точке, загрохотав движками, скрылся из виду в синей речной дымке.

– Чё молчите – то? – не отставал я.

– До Глухой только один транспорт – вертушка, – выдохнул хрипло «борода». – Чё, сдрейфил?!

Кто-то гикнул – хохотнул...

– Да чё вы блин, всё ржёте и ржёте? Летал я уже! – оправдывался почему – то я.

А летать мне доводилось лишь трижды, и то на тушках сто четвёртых, а вот на вертолётках – никогда.

– А где ему здесь садиться – то? – не унимался я.

– Мало-мало пешкодрал надо. Не далёко – вёрст десята наверно будет – молвил шутейно якут. Мужики опять ощерились – ржанули.

– Ладно вам, будет, – одёрнул мужиков старший, и продолжил через паузу – Не бойсь, – успокаивал он. – Во – он туда поднимемся, там площадка есть.

– Да нормально, – поддержал «борода».

Когда всё было поновой упаковано мы, распределив между собою весь груз, тронулись к вертолётной площадке.

Шли мы, шли, и уткнулись... в почти отвесную стену!..

– Вон, видишь, там, полянка, это и есть та самая площадка – сказал егерь Сафонов, пряча улыбку в ржанные свои усы, и начал восхождение. Остановившись, добавил – Ты, музыкальный милиционер, идёшь за мной следом, «Борода» за музыкантом. Остальные знают. – И скрылся в кустах. Я последовал за ним, думая о том, а не высоковато ли будет?!

Тут необходимо признаться, что высоты я с детства боюсь! Жутко, до потери сознания. Сафонов, шедший впереди, подбадривал:

– Сушняк, видишь? Да не спеши ты!.. Поспеем, – поджидал егерь меня. – Чё, крутовато? Да здесь всего каких-то сорок – пятьдесят метров. Ну, высота, ну заросли, камни там всякие... Это, брат семечки. Мужику надо преодолевать трудности всякие, легче по жизни идти потом, – утирал пот со лба Сафонов.

– Всё, привал, мужики!.. Полпути – есть! Перекур, братцы...

Странно, но усталости я почти не чувствовал, так разве что малость...

И мужики тоже, вроде, ничего, терпят. Хотя среди нас были в основном люди взрослые – тридцати, сорока лет навскидку.

А мне – то, каких – то двадцать четыре с небольшим. Пацан по сравнению со старшими товарищами.

Я глянул вниз, но вот что странно – страха перед высотой почти не было! Почему – не знаю, но заметил я, красоту здешних мест – неопишемую!..

Бог мой, какое раздолье!..

Сопки, внизу красавица Лена и по всей панораме – тайга!

И странно, она была не зелёного цвета, а изумрудного.

Да, да – цвета морской волны!

И вспомнилась сразу песня «а вокруг голубая, голубая тайга...»

Гордость берёт – а страна-то наша вона, какая – огромная!

– Ну, размечтался, – Паша борода легонько меня подтолкнул.

– Идём уже, – взглядом показал мне Сафонов. – Осталось – ещё чуть-чуть да мелёхо. И мы тронулись дальше. Вот где я понял, чем ценен рюкзак и почему брать с собой в такие походы надо только самое необходимое.

Ко мне подошёл якут:

– Давай, мало-мало подмогну? – улыбался он озорно и лукаво.

– Да ладно, чё там, спасибо уже. Пошли... в тон ему пробормотал я.

– Настырная, однако. Хорошо. – подмигнул якут. И начался ад! (для меня), потому как подъём пошёл ещё круче и я, выбиваясь из сил, шёл, набивая ссадины и синяки, натирая плечи, руки...

Но вот, не знаю уж каким чудом – мы на месте. Господи, думал я, неужто и передохнуть можно?

Как только была дана команда привал, я повалился на землю, как куль с отрубями и, падая, угодил физиономией своей прямёхонько... в муравейник!.. Хохот стоял невероятный... Мужики ржали как кони, до самозабвения!..

Так смеются люди, хорошо сделавшие своё дело и добрые по натуре. Я, глядя на их свещающиеся лица, сам невольно заулыбался, а потом и рассмеялся.

3

Однако моё челобитье здешним муравьям не прошло даром, эта мелюзга за долю секунды успела проникнуть ко мне под одежду повсюду!.. Такого я ещё не испытывал. Иглоукальвание с укусами таёжных муравьёв – детские примочки!..

– Так не избавится. Придётся нырять! – остановил мой бег по кругу Сафонов.

– Куда это нырять, – переспросил я, пытаясь глазами нащупать хоть какое – то подобие водоёма...

– В – о – он тама, однако ямка есть, вода чистый, вкусный!.. Холодный однако... – улыбался широкой, как гармошка физиономией Мишка якут.

– Какая ямка ещё? Чё вы ржёте всё? Лучше бы подсказали – что делать – то?

Сафонов без тени улыбки сказал:

– Серьёзно. Там вон, в кустах родник бьёт из-под земли, ну и омуток образовался небольшой, но глубокий. Плавать-то умеешь?

Я недоумённо спрашиваю:

– Вы это чего выдумали? Какой ещё родник?! – извивался я ужом, подгоняемый жалящими нещадно насекомыми. А Сафонов меж тем легкими движениями подталкивал меня в те самые кустики:

– Вот видишь, какая красотища тут? – настойчиво теснил меня егерь. Я, упираясь, всё же шёл...

– Вот он омут, серебряное копытце – благодать!. Уф! – выдохнул Сафонов. – Здесь метра 3 – 4 будет. Ты прямо так, не раздеваясь, окунись, и мураши смоются, пробовали уже. Не ты первый. Это тайга, брат!

– Как-то странно, вот так с бухты-баракты и нате вам – здрасте! – потрогал я ладонью родниковую холодненькую водицу.

– А что? Таёжная ванна! Мойся – не хочу. Да за одним в наши ряды вступишь – отмахивался от назойливых комаров Сафонов.

– Понимаешь, – продолжал он, – вот у подводников, например – пьют забортную воду салаги, ты ж служил, знаешь...

– Да я ж не подводник, музыкант, – перебил я Сафонову.

– Да разве в том дело?! – искал подходящие аргументы старшой наш.

– Ну, понимаешь, у альпинистов свои причуды, у подводников свои, а у нас, у таёжников – особые, свои традиции!.. Мы же не рыжие какие – закончил он гордо так фразу и скрестил руки на своей мощной груди.

Ну, думаю, куда деваться, придётся окунуться. А то ведь не отстанут, засмеют. И я, ни слова не говоря – шась, и вводу.

Стылая купель обожгла, но, ни настолько что бы было неприятно, а очень даже наоборот. Окунаясь, я повизгивал, как молоденький кабанчик, хотелось ещё и ещё, но, сильная ручища Сафонову схватила меня за шиворот и выдернула на сушу!

– Будя – сказал егерь, – не то заколешь.

Это было моё крещение в таёжники!

А мураши и в самом деле – исчезли, смыло наверное, да и облегчение после первого в жизни моей восхождения.

Пока я водные моционы принимал, мужики тем временем, развели костерок, еду приготовить затеяли...

– Эй! – окликнул меня Якут – иди к нама, мало-мало согреейся... А я и без того, сам уже направлялся к костерку.

– Твоя сушиться надо, мало – мало, а то сопля бежать будет!.. – похлопал дружески по спине якут.

– А ты, вон на ветки пораскидай одёжу – то, мигом высушит. Есть чё переодеться? – между делом интересовался Сафонов. Я кивнул утвердительно и голосом добавил – А как, вон, вагон и маленькая тележка, блин... Зависла пауза и... конечно разразилась хохотом!.. Но, на этот раз и я смеялся со всеми вместе. С удовольствием хохотал, как и сотоварищи мои.

Вечерело... Внизу, разливался малиновым вареньем закат... Далеко, где-то там, за тайгой, плавилось солнце в золотую, тягучую массу... Стояла тишина, звонкая, особая, таёжная...

– Ну, мужики всё, стало быть – кашлянул в кулак Сафонов. – Наелись, напились, слава Богу, последний, как водится – убирает, – и с хрустом зевнул.

А я уже давно, перекусив, сидел, глазел на закат и покуривал!..

Хорошо-то как!

Не успел оглянуться, а уже и палатка поставлена и ко сну всё готово.

Ну, что ж, вот и первая моя ночь таёжная...

Лёгкий ветерок погуливал по вершинам сосен (здесь всё больше хвойный лес...) Дышится легко, свободно...

– Эй, музыкальный милиционер, принимай вахту – дежурство, смена через пару часов, проговорил сонным уже голосом старший прямо из палатки. Тут чья-то рука легла на моё плечо, я поднял глаза, это был Паша – борода,

– Не дрейфь! Нормально тут, тихо... А я тебя подменю. Добро?

– Да всё хоккей. Хорошо... Борода похлопал слегка по моей спине и полез в палатку вздремнуть.

4

Тишина убаюкивала, сон навивала...

Хорошо...

Тайга ночью – это я скажу вам, особое явление, да нет, пожалуй, особая материя, невиданная страна, загадочная, сплошь состоящая из тайн и сказок...

Почти космическая тишина, но, поосмотревшись, замечаешь и полутона. Оказывается и у ночи, бывают полутени.

Если глянуть в небо – звёзды – яркие, крупные и, мне показалось, какие-то... позолоченные. Кажется, протяни руку и вот она звезда... Но, дудки, звезда на небе, ты на своём месте – оптический обман! Но, какой прелестный...

И голос у ночной тайги тоже, особый – вкрадчивый, приглушённый, будто бы тайга и её поселенцы не хотели друг дружке мешать отдыхать...

Здесь мне почему-то вспомнилась армия, океан и его синяя глубина – чем глубже, тем темнее. Они и в самом деле похожи – океан и тайга... чем-то... Оба огромные и непостижимые!..

Я поправил наш костерок, хрустнул косточками, разминаясь... Потянулся... Достал свой походный транзистор «РОССИЯ», углядел валун, мшистый какой-то камень, набросил поверх него куртку и устроился как Наполеон, озирающий «поле боя». Моё «поле» было мирно и похрапывало на разные голоса. Я включил приёмник и стал искать свой любимый «МАЯК»... Ага, вот он отыскался!.. Звучала песня А. Пахмутовой «Надежда», которую исполнял, Муслим Магомаев. Повесив приёмник на рядом торчащую ветку, я, пошарив по карманам – закурил. Глянул на часы, подсветив себе сигаретой, шёл второй час ночи...

Всё располагало ко сну, но я имеющий некоторый армейский опыт ночных дежурств, крепился, не поддавался чарам сна!..

Однако, как мудро и хитро устроен наш организм, что бы я ни предпринимал, что бы ни затевал, дабы отвлечь себя ото сна, всё сворачивало к мыслям – фантазиям, которые вели, незаметно ко сну.

Желая всё-таки прогнать сонливость, я слез со своего «обжитого» валуна, подкинул в костерок сушняку, осмотрелся.

На «Маяке» передавали – шип. Затерялся бродяга «МАЯК» где-то в паутине волн. Щёлкнув выключателем, уложил приёмник в рюкзак взятый на «прокат» у ребят.

Делая все эти нехитрые манипуляции, почувствовал на расстоянии примерно десяти, пятнадцати метров от нашей стоянки, как кто-то тяжело дышал и, я явственно это ощущал кожей, и смотрел прямо, как мне казалось, в мои глаза...

Кто это был – сказать не могу, не видно было...

И тут произошло такое, от чего я чуть и в самом деле не лишился рассудка.

Сзади, со спины, кто-то тронул моё плечо!..

У меня сердце просто перестало на мгновение биться, я уже было раскрыл рот для вопля, но чья – то твёрдая ладонь как наждак, кляпом легла на мои губы!..

В голове пронеслось – всё, каюк!

Но, ободряющий знакомый звук вернул меня к жизни – это был звук шипящего слова, – Ти – хо... – и тот же голос добавил – Вижу... Это она!.. – прохрипел Сафонов.

– Кто? – спросил я желудочно – урчащим звуком. На что, на ухо мне дыхнуло жаром – Медведица!.. – успокоил егеря.

И как это я почувствовал? Инстинкт, вот что меня вдруг, заставило напрячься, насторожиться...

Между тем чернота ночи мало-помалу начала расползаться по кустам, завалам, отступая прочь в таёжную глубину.

Чуть придя в себя, я оглянулся, почуяв ещё кого-то, это был Миша якут. Он будто и не спал вовсе – не заспан, бодр, ружьё на изготовке. Я хрипло спросил – Вы чё, мужики?

– Редкий случай – шептал уже Паша-борода, видишь, без детишек, значит, чего-то приключилось с ней ... Ты смотри, смотри!.. Но, по-тихому!..

– Однако... за помощью пришла? – предположил якут.

– Всё может случиться... Только шутки с ними плохи, и ненароком может задрать, – соглашался «борода»

– Однако моя на разведку? – шагнул куда-то в сторону якут, – Помогай мало-мало... – невесть кого попросил смельчак, и пропал в сумерках.

А медведица, это стало уже вполне ясно видно, сидела на пятой точке, опустив большую голову к земле, что – то перебирала лапами, слегка порывивая не зло... Будто просила о чём-то...

И вот, когда якут попал в поле зрения медведицы, она не проявила какой-либо агрессии, а встала и, развернувшись мощным корпусом, уверенно пошла в только ей ведомом направлении.

При этом (как ей это удаётся?) всем своим существом призывая человека, как бы следовать за ней!

Якут на секунду задумался, глянул в нашу сторону и... пошёл за зверем.

Надо сказать, что якут хоть и был охотником, ружьё своё на сей раз не взял с собой. Сознательно не взял.

Мужики, переглянувшись, не сговариваясь, остались на месте кроме... «бороды».

Паша, выждав некоторое время, зашагал следом за якутом в сумерки.

– Куда это они, ещё ж темно... не видать ничего? – зачем-то я спросил невесть кого.

– Надо так, дружок. Им тоже помощь иногда требуется – ответил кто-то из мужиков, которые между прочим уже не спали и были, по – военному, собраны.

– Зверям что ли помощь, – интересуюсь я, слезая с валуна.

– Ну, а кому ж в тайге ещё она требуется?! Им, собратьям нашим, – ответил старший, и добавил, – заметь, по вине чел века!.. Просекаешь?

– Ну, всё, будя глазеть тебе, кинотеатр нашёл. Это вон охрана наша, пусть себе дивится, а тебе – то пора и попривыкнуть – ворчал на заспанного Молчуна – (Витю Горбуненко) товарищ Сафонов, видимо тоже недоспав положенного.

– Ну, а ты чего ж, брат? Собирайся, вертушка скоро заявится, – несколько жестковато сказал старший группы.

– Как вертушка?! А наши – то, они же... – ошарашено возразил я. – На что Сафонов, улыбнувшись, кинул – Ни чё, поспеют, в самый раз, можешь не сумлеваться.

Собираясь, я прикидывал – как это они поспеют? А вдруг, не дай Бог, случится чего?! Вдруг...

Но, Сафонов прервал мои терзания :

– Недрейфь, никаких «вдруг» – не будет! Поверь.

Как это он умеет, почти ничего не сказав, повлиять на настроение, – успокоить, будто мысли читает, – поражаясь, пытался я разобраться, понять.

– Ну, братцы, это не дело мусор оставлять после себя – упрекнул кого-то Сафонов и посмотрел на меня...

– Что опять ни так? – взволновался я.

Сафонов нагнулся, подобрал бумажку, ещё чего-то и протянул мне:

– А ты не возмущайся, мил человек, а лучше ответь – чей мусор? – и егерь указал на брошенный хлам.

Краснея, взял мусор, оставленный мною по рассеянности в траве, и конфузливо сунул быстро в карман куртки...

Извинившись, подумал о том, насколько мы часто бываем, неграмотны и по-варварски относимся к матери природе, точно пасынки к мачехе.

Урок этот врезался в память мою на всю жизнь.

Сафонов, вот ведь добрая душа, утешая, говорил – А ты, мил человек не тушуйся, я по молодости тоже бывало чудил, и не такое вытворял. А ты – молоток, нашёл в себе силы признать вину, хвалю.

Вдруг, неожиданно послышался какой-то нарастающий рокот, сначала неясный, но с каждой секундой обретающий реальные очертания звуковых форм, похожий на махи крыл летящей большой птицы.

– О, вот и она, голубушка стреказулечка наша глазастенькая!.. – обрадовался как ребёнок Сафонов, прикладывая бинокль к глазам.

– Вертушка что ли? – взвизгнул я, – можно посмотреть, товарищ Сафонов?.. – просительно протягивая руку к командирским диоптриям...

Но, Сафонов отрезал:

– Нет, погодь, не до тебя, музыкант, машину надо принять!.. – и достал рацию.

– Стрекоза, стрекоза, я – Леший. Повторяю, я – Леший!.. Как слышите меня, приём? – выжидательно вслушиваясь в радиоэфир, настойчиво повторял старший группы.

Рация трещала, пищала, но, никакого ответа не последовало. Сафонов повторил позывные – тот же результат.

А звук всё ближе и ближе, но самого вертолётa ещё не было видно... На третий раз рация поскрипев, побулькав, наконец, откашлявшись, ответила женским, хриплым голосом:

– Слышу вас, Леший, слышу!.. Со связью у меня, такую забулдыгу, что-то творится?! Готовь посадочную, захожу!

– Внимание, стрекоза, садись уже, всё готово давно! Ждём!

5

Раньше мне не доводилось встречать вертолёт и видеть их вот так – воочию. А подишь ты, случай представился – где я не только встречающий, но ещё и пассажир!

И вот, наконец, над лесом, в туманной золотистой дымке показалась винтокрылая машина, которая приближаясь, росла как на дрожжах, рокоча натруженными движками.

Никто не суетился, егерь занят был встречей вертолёта, Молчун покуривал в сторонке и только я во все глаза восторженно наблюдал посадку машины и ждал с нетерпением приземления. Для меня прилёт вертушки было событие! Ещё какое!

Я уже упоминал, что летал до этого на «тушке», а здесь – вертолёт!..

До меня никак не доходило, как он без крыльев и летит!?

Но, вот, наконец «вертушка» приземлилась. Движки, сбавляя постепенно свои обороты, гасили свистящий шум, понемногу угасая, меня грохот на очищенную от резкого звенящего металлом звука на таёжную рассудительную тишину.

Зрелище – фантастическое.

А Молчун с Сафоновым, вели себя привычно – обыденно, без лишних эмоций и суеты.

Но, вот движки, фыркнув, замерли...

Тайга стояла оглошшая, встревоженная и несколько растерянная...

Не по ней всё это, не для неё эти технические достижения цивилизации!

Она живая и ей в тягость такого рода деятельность людей.

Мои мысли не оставляло беспокойство по поводу Паши бороды и Миши якута, ушедших за медведицей!.. Как они, поспеют ли к отлёту и вообще в порядке ли они!?

Честно говоря, вертолёт посередине тайги, зрелище необыкновенное – могучая, железная птица, сделанная человеческими руками на фоне красавицы-природы!.. Очаровательно и противоречиво – контрастно.

Но, когда из Ми – 2 появился экипаж, я и вовсе обалдел.

Летчики, сняв шлемофоны, оказались на поверку женским экипажем! Командирша, майор авиации – блондинка, красавица писаная!.. Подумалось, такая симпатичная девушка, но как пилотирует сложной техникой, будто занимается фигурным катанием!?

Из таких вот принцесс, наверное, и берут в космонавты?

Две другие её помощницы, брюнетка и шатенка тоже были под стать майору – молоды, красивы, но при этом скромно-строгие и бесконечно очаровательные создания, точно ангелы, слетевшие с небес.

Так оно и было...

Сафонов подозвал нас всех и сказал:

– Ну, вот, други мои, наши лётчицы – красавицы... – приветливо улыбался егерь. – Без этих ангелов – хранителей мы – никуда!

– Это я больше для тебя, музыкант, слышь чё ли? – Проговорил он сватовским тоном и, повернувшись к девушкам, добавил – Наша охрана, представитель закона, младший лейтенант музыкальный наш милиционер, прошу любить и жаловать!

В «круизе» патрульном первый раз, но паренёк ничего себе, нормальный – не болтун. Выдержан, спокоен, сообразителен, вынослив... Подумав, добавил. – Хм... смел! Ага!

– После армии я... – зачем – то брякнул мой язык и, ступешавшись, извинился, за что и сам не знаю.

– Правда опыта маловато, но это дело наживное! – улыбался наш начальник, и мужики тоже не отставали – весело согласно закивали головами.

Девушки, улыбаясь, но при этом напыщенно – серьёзно представились:

– Майор Ланская Дарья Тимофеевна – в быту – Даша. Прыснула командирша.

И она же продолжила – А это – мои помощницы – Маша и Саша. Маша – шатенка, Саша – брюнетка. Девочки изобразили что-то вроде книксена, они одеты были в мужские костюмы военного образца.

Получилось забавно. Напряжёнка спала, стало легче как-то дышать. Сафонов, между тем, поглядывал на часы, плотом поиграв пальцем на губах какую-то мелодию, изрёк

– Хм... А? – подумав малость о чём-то, пропел – Ни чё, успеется... Ну-с, мужички, грузимся! Девочкам ещё на базу лететь.

– А где бородач ваш, спросила Маша, несколько смущённо, – опять, наверное, помогает кому-то!?

Сафонов согласно кивнул и втащил в «вертушку» пожитки.

В пять минут было всё загружено. Сафонов вновь взглянул на свои «командирские», тогда очень модные часы и выдохнул: – По коням! Заводись!.. Я хотел, было, рот открыть, но начальник показал рукой куда-то вдаль, и я увидел наших ребят, ходко спешащих к нам.

И вот мы уже все в сборе, на борту вертолёта.

Тут же засвистело – загрохотало – запустились по новой движки.

Вернувшиеся ко времени товарищи, что-то азартно рассказывали Сафонову, вероятно, свои приключения.

Всем тоже хотелось, наверное, послушать, но мне больше всех!

Интересно же!..

Но, не менее интересно и происходящее в данный момент событие – взлёт, мой первый взлёт на «вертушке»!..

Изнутри вертолёт выглядел прозаично просто – два ряда скамеечек по бортам, тросики какие-то над головой, вероятно для парашютистов, на коих болтались колечки, длинный, сигарообразный салон, выкрашенный в тёмно зелёный цвет. Всё.

Нет, это не Рио-де-Жанейро, подумалось.

В самолёте поуютнее было, покомфортнее как-то...

Но, за неимением лучшего...

И, вдруг, на перегородке – стенке загорелась красная лампочка, приоткрылась дверца, высунулась рука в краге с поднятым большим пальцем вверх, что означало (я догадался) – мы поднимаемся и машина дрогнув, косо как – то, криво в бок, начала подниматься...

Мне же не давали покоя мысли – как без крыльев – то? В какую-то минуту показалось, что сейчас зацепим хилый лесок, который уже успел уменьшиться в росте и был под нами... А дальше машина выровнялась и пошла заданным курсом, к месту нашей «базы»

6

Борода с якутом, рассказав свои приключения, играли в картишки на пару, в «подкидного» похоже. Сафонов чего – то читал, я же глазел в иллюминатор, всматриваясь в бесконечность тайги. Такого массива леса я ещё не видел. Это и вправду сравнимо с океаном своими безбрежными далями.

Тайга вызывала чувство трепета и уважения.

Казалось, что именно здесь, сосредоточилась вся суть земная, всё её первородство. Здесь пульсировала жизнь не тронутая цивилизацией. Незаметно для себя – задремал, солдатская привычка.

И сон, даже какой – то стал сниться. Что – то про медведя. Будто убегаю я от зверя, стараюсь, как могу, да в полном снаряжении – тут и инструмент, соло – корнет, откуда – то взялся, и сумища моя, походная и ещё что – то, мешающее бегу. Но, напрасны мои усилия, мишка вот – вот лапой зацепит и тогда конец!.. Но, вот неведомая сила, какая – то, неожиданно поднимает меня и несёт куда – то.

Я вскрикиваю, и... просыпаюсь.

Оглядевшись, вернулся в реальность – командировка!..

Сотоварищи мои тоже дремали. Сафонов смешно клевал носом над своими бумагами, возвращаясь, как Ванька-встанька, в прежнюю позу.

Борода спал, приоткрыв слегка рот, запрокинув голову на стекло иллюминатора.

Миша якут, сжавшись в комочек, уткнулся лицом в чей – то рюкзак.

И лишь только один не спал, на удивление не разговорчивый «тихоня» – Витя – таёжник, тоже кличка. Вообще – то звали его Вениамином, но, вот таёжный народ, выправил имя товарища на свой лесной лад, как попроще и покороче. Он и сам уже, кажется, привык к новому имени – Витя, и откликался на него совершенно спокойно, будто так и был назван от рождения.

Мне, как новичку, сразу бросилась в глаза присущая таёжникам – спокойствие, обстоятельность, рассудительность, сдержанность, в отличие от меня.

Я напротив, был человеком эмоциональным, взрывным, темпераментным – так мне, во всяком случае, казалось.

Перед отъездом, Сафонов, вводя в курс дела, так, между прочим, давал каждому члену группы, что – то вроде краткой характеристики.

– Должен же ты знать – понимать, кто есть кто. Балласт никому не нужен, — улыбался егерь.

Единой командой работаем вместе давно – притёрлись уж друг к другу как те шестерёнки, все универсалы – владеют оружием, знают и любят тайгу, спецы все отменные.

Миша якут – потомственный охотник, между прочим, музыкант – любитель, гитарист. Снайпер – учился в армии меткости стрельбы, скромн, любит шутить, смеяться. Молодой ещё, чуть постарше тебя будет, лет пять, как демобилизовался, – чиня какой – то прибор, рассказывал Сафонов.

Паша – борода – ветеран, имеет ранение. О себе рассказывать не любит, имеет награды. Погранец – спец по диверсионной и прочим сопутствующим работам. Имеет десятка три задержанных нарушителей границы. Не женат, не везёт по этой части парню, – задумавшись о чём – то, помолчал егерь и, забыв о рассказе, углубился в неотложные дела – бумаги, отчёты и прочее.

– А кто ж третий? – допытывался я. – Вы только про двух... рассказали.

Сафонов, оторвавшись от «писанины», так он именовал докладную кому – то, спросил: – Какой такой третий? – уставился вопросительно егерь на меня, сморщив лоб.

– А... – вспомнив, усмехнулся таёжник, расплывшись в улыбке, – Веня наш, Вениамин Горбуненко то есть. Но, мы его кличем Витёк или на худой конец Витя – молчун.

Он сделал паузу, что – то соображая, глянул в бумагу, и продолжил, – Почему молчун? Разведчик потому что, тоже на заставе службу нёс, награды как и Паша имеет. Но, он прапорщик – младший значится офицер, как и я... в отставке. А раз разведка – значится молчун, потому как это дело тишину любит.

Вот он и молчит. Так и остался и на гражданке – Молчуном. Привычка. Пословицу помнишь, в тихом омуте... – хрюкнул Сафонов смачно, – Так что, палец ему в рот не клади, откусит!

Мерный рокот движков убаюкивал, и я вновь видимо, начал дремать, но, думая о ребятах наших, о командировке моей неожиданной, сонливость улетучилась, сменяясь любопытством.

Я глянул на разведчика – молчун сосредоточенно рассматривал что – то, похоже карту изучал. Витёк, неожиданно поднял глаза свои на меня, жестаи показав, мол, скоро подлетаем.

Дремавший Сафонов, толкнув меня слегка плечом, молвил: – Скоро база, причаливаем, и дальше себе «заклевал» носом.

Вот человек – два уха, вроде спит, а всё видит и слышит, как это у него получается?

В иллюминатор заглянула малиновая, вечерняя зорька, улыбчиво – золотистая, с лёгкой, неприметной грустинкой и таёжной задумчивостью.

Я, в который уже раз, мысленно пожалел о забытом фотоаппарате, стареньком ФЭДе, моём неразлучном товарище.

Такую красотищу непременно надо снимать! В кои – то веки ещё доведётся здесь побывать!?

Вдруг в блюдце – иллюминаторе показались крыши строений, чуть раздвинув владенья тайги, да это же, похоже, база!?

Я вопросительно посмотрел на Сафопова, тот в ответ, улыбаясь, утвердительно кивнул.

И будто в подтверждении этого, на пилотской перегородке, вновь замигала «сигналка» извещающая нас о завершении полёта.

Все дремавшие – спавшие, потягивались, зевали, встряхивались, поёживались, прогоняя дремоту. Засобирались, не суетясь, спокойно, обстоятельно.

Вертолёт, сделав кружок над «Глухой», будто ища место для посадки, чуть завис и мягонько, неспешно, сел на маленькую полянку, неподалёку от базы, метрах в трёхстах.

– Всё, братцы, приехали, слава Богу! – бодро произнёс начальник.

– Как говорят в Италии – Финита ля комедия? – внёс и я свою лепту в общую точку переезда.

– Чего? – удивился «борода», – Ты это по-каковски? Чи шо, на импортном шпарить могёшь? – не унимался Пашка. Воцарилась пауза, которую, так и распирало от смеха, того и гляди – рванёт, разразится хохотом!..

И рвануло, здоровым, дружеским ржанием, от переполнявшего нас всех хорошего настроения! Гогоча и улюлюкая, мы, простившись с экипажем вертушки, сгрузили свои пожитки и, покинув борт, наконец, вдохнули смоляной запах тишины и покоя...

7

– Ну, вот и «дома» – похлопал меня по плечу Сафонов. – Как, музыкант, устал с непривычки? Ни чё, щас баньку натопим, попаримся, перекусим, и всё будет нормально! Так, нет? – ободряюще проговорил егерь. Проводив вертолёт, мы, не мешкая, направились к домикам, когда – то срубленные самими лесниками да егерями.

Подходя к жилищу Сафонов, точно гид, вводил в курс здешних правил и обычаев.

– Это вот, поменьше, видишь вон, банька наша. Пар в ней, ух, не могу, до костей пробирает, и дух такой сладкий стоит, хвойный. Да когда наберёт жару – пару, м – м... – в предвкушении блаженства, чуть не замурлыкал наш начальник. – Любишь веничком духмяным да по косточкам, да по порам, что б дух захватывало, да кваску потом, эх, да на камушки!? А!.. – Азартно передёрнул плечами егерь, покашливая в кулак, – Кто ж её не любит – баньку – то чистюлюшку нашу русскую!?

Мужики, за дело! – отдал мимоходом распоряжение он.

– А электричества здесь... – произнёс, было, я вопрос, да спохватившись, сам себя и оборвал, вовремя сообразив, откуда здесь, в глухой тайге быть ему!?

– Да ты не тушуйся, это по первости. Бывает, – шагнул к другому строению Сафонов.

– Электричество здесь в дефиците, до ближайшей ЛЭП ни одна сотня километров! – распахнув двери в сруб, объяснял спокойно старший.

– Но, свет у нас будет, свечи в наличии, и потом – керосинка тоже где – то должна быть... – отвёл рукою густую паутину егерь. – Да только честно скажу, не до света нам будет, работы много, увидишь сам всё скоро, – проговорил он, прикрывая двери.

– Тут инструментарий всякий храним и прочую мелочь. Сарайка стало быть, – улыбаясь, тёплому, таёжному вечеру, похлопал по бревенчатой стене сарая, опытный таёжник.

– Ну, а здесь вот, жилище, стало быть, наше. Что – то вроде штаба, – говорил Сафонов, поглядывая по сторонам, будто что – то ища.

– Вы чего – то потеряли? – интересуюсь я.

– Да ни то что бы потерял... Собачка наша что – то не встречает... – озабоченно почёсывал он затылок.

– Хорошая псина, доложу я тебе!.. Да ты и сам скоро увидишь, познакомишься. Только не шарахайся от него, не бойся, а то почует слабину и пиши, пропало, – сдерживая улыбку, проговорил егерь.

– Да я и не боюсь... – хорохорился я. – Сам люблю собак!..

– Это конечно хорошо, только этот пёс ни совсем... собака... Волк это, прирученный, понимаешь, щенком взяли. Мать браконьеры, подлецы, порешили, а наши хлопчики нашли да сюда и принесли. Остальные – то, видать, погибли, а этот, наш, выжил! А вырос, у – у, пёс на загляденье! Здоровый, умный, верный, красавец, одним словом, – похохатывал Сафонов. – Мужики, – зычно обратился егерь к команде, – делаем дело – проверяем всё что требуется, наводим марафет и после баньки – сбор у крыльца, как обычно!..

А мне он пояснил, что это у них, традиционно, на сон грядущий – вечерняя пятиминутка.

– Работы, понимаешь много, её надо делать поэтапно, по плану то есть. А работы хватит на всех с лихвой, так что скучно не будет, обещаю.

Ну, а сейчас, походи тут, осмотрись, привыкай одним словом. А мне надо малость покумекать на счёт завтра, – сказал начальник и скрылся за дверью домика.

– Эй, «музыка», подсоби!.. – позвал Паша – борода.

Ребята готовили дрова к бане, и я с удовольствием, присоединился.

– Паш, и чё молчите, про медведицу – то? – кладя на левую руку поленья, интересуюсь я.

– Ак, чё там, известное дело, медвежата её в «ямку» браконьерскую угодили. Как – то ещё на колья не попали!? – воткнув в полено колун, рассказывал Паша.

– Ну, вот мать – то ихняя и позвала на помощь, самой – то вишь, никак. Видал когданибудь ямы браконьерские? Пыточные камеры по сравнению с этим подлым изобретением, комната отдыха! С древних времён говорят, ещё используется, как ловушка зверью. Тогда мамонтов так добывали, а сейчас вот... кто попадёт.

– Ух, и сволочи эти браконьеры, видно!? – искренне возмутился я.

– Будь моя воля, – поплевав на ладони, сказал Борода, – я бы... чудаков этих через букву – М, самих бы задницами на колья садил, и... похмелиться не давал бы!.. – вдруг перейдя на шутку, засмеялся озорно Павел.

– Паш, а что, и люди попадали? – озабоченно спрашиваю.

– Само собой, и часто!.. Особливо пьяненькие... – раскалывая играючи здоровенные чурки, выдыхал Паша слова – полешки.

– Вишь ты, тайга она не любит пьянь, как и море. Выпить оно конечно не грех, но ведь время надо знать и место, правильно? – А эти... – Паша махнул неопределённо рукой, – Приедут, нажрут и айда гусарить – пакостить, то пожар учудят, то друг дружку поранят, то вот, в яму эту кто из них попадёт. Всяко бывало. – вытирая пот со лба закончил Борода.

– Ловко это у тебя получается, с колкой – то!.. Дай я попробую? – предложил я ему подмениться.

– Да за Бога ради!.. – передал он не без облегчения колун. – Ты моложе малёха, тебе в пользу нагрузка, типа, Паша хохотнул, – упражнения, – сощурил один глаз, улыбался Пашка. – А ну – ка, «музыка», покажь класс!? – подзадоривал он меня.

Мне до армии доводилось колоть дровишки, но тягаться с теперешними старшими товарищами, всё равно, что комару в лоб из рогатки попасть.

Честно признаться, нравилось мне это дело – колоть дровишки!.. Прекрасная нагрузка на мышцы, и разминка опять же.

После обольёшься холодненькой водицей, разотрёшь тело до красна – хорошо...

Вскоре банька наша «приняла» первую партию, трое парились, двое дожидались очереди, я и Миша якут. Мишаня возился чего – то в сарайчике, а я обследовал местные «достопримечательности».

Обойдя всю территорию базы, заглянув во все «уголки», я пришёл к выводу, что заимка примостилась, по всем параметрам, удобно и выгодно – нам всё и вся видно и слышно, нас же, для стороннего глаза, нет.

На холмике, укрытая, со всех сторон хвойными лапами, будто замаскированная самой природой, заимку и в самом деле на расстоянии двухсот – трёхсот метров, уже не разглядеть. Да и подойти к ней, ни так – то просто, с одной стороны – болото, топь непроходимая, с трёх других направлений, болотное озерцо опоясывало, преграждая путь непрошеному гостю.

Позже я узнал от товарищей, что имеются потайные тропки, которые отыскать в этой неприступности весьма проблематично.

Та тропинка, по которой мы пришли сюда, тянулась через болото, точнее по самому краю гиблого места, и попроси сейчас меня ктонибудь повторить этот путь, ни за что не вспомнил бы!

Одно омрачало настроение и вносило дискомфорт – полчища мошки и комаров!

Но, поскольку заимка раскинулась, как я уже упомянул, на холмике, то при малейшем ветерке весь этот кровожадный шалман, мигом пропал.

– Ты, однако, далеко шибко не бегай, рядом ходи. – послышался голос Миши – якута у меня за спиной. Я, вздрогнув, обернулся – Фу ты, чёрт козопалый, испугал!..

– А если бы это не моя биля, а шайтан в шубе? – якут, смешно кривляясь, изобразил очень похоже, медведя.

– Тайга она тихий, тихий, а кусается до смерти, – наставительно, без иронии предупредил Михаил.

– Да, ладно, Мишаня, что вы со мной... как с маленьким, туда не ходи, сюда не лазь!? Разберёмся. Хоть и музыкант, да в пагонах, сообразим чё почём!.. – хорохорился я, дружески подмигнув товарищу.

– Настырная, это хорошо... Мишка только здесь, мало, мало хозяина, дома это его – тайга, а мы гостя. Зверя, где хочет там и топочет, дедушка моя учила. – улыбаясь, проговорил серьёзно якут, и скрылся в жилом домике.

Передо мной лежала песочная, с золотинкой, таёжная тропинка – дорожка, вечерняя прохлада манила прогуляться, подышать.

Времени ещё до бани хватало, первая партия не домылась, и я решил пройтись.

Не успел сделать и десяти шагов, как вдруг на пути моём, неизвестно откуда, возник, довольно крупный волк!..

Зверь, однако, не проявляя агрессии, сидел посередине дорожки и с интересом разглядывал незнакомца, склоняя большую голову на манер собаки.

Я хоть и знал как вести себя при встрече с незнакомой псиной, струхнул, на меня смотрели пронизывающие глаза волка, а это совсем другое ощущение. Сердечко моё, известное дело в пятки скатилось, ноги приросли к земле, я потерял чувство времени и пространства.

Это был шок, чистой воды – страх, защитная реакция организма.

Каждый раз, испытав подобное, я размышлял, отчего эта защита срабатывает так, что парализует волю, лишая возможности защищаться?

Неожиданно зверюга, завивая хвостом, сорвался с места и побежал... прямо на меня!

Я обмер, похолодев от страха, зажмурил глаза, подумал – всё, каюк командировке! Ничего иного в голову тогда отчего – то не пришло, а именно это мелькнуло.

Смех, да и только.

А волк, чуть не сбив меня, проскочил мимо с радостным визгом. Обернувшись, я увидел Сафонова, с красным лицом после парилки, тискающего в своих могучих руках серого аборигена.

– Ай, ай, признал, признал!.. Ишь ты, заматерел – то как!? – теребя за ушами хищника, похохатывал начальник.

– Угадай, как зовут нашего зверя? – обратился с вопросом ко мне Сафонов, и, не дожидаясь ответа, поигрывая с четвероногим другом, представил – Вот прошу любить и жаловать, зверь по кличке Цербер!

А, каков? Ведь, правда, красавец? – швырнув палку далеко в кусты, – интересовался егерь, командуя: – Апорт! И Цербер в три прыжка скрылся в кустах.

– Что, малёха сдрейфил? Ничего, бывает. Зато он тебя, брат, признал, а это чего – то, да стоит. Обвыкнитесь, притрётесь.

А Цербер уж тут как тут, то на передние лапы припадёт, то запрыгает вокруг Сафонова весело прискуливая, приглашая человека поиграть с ним.

– Вот чё, соскучился, значит, бродяга? Но, будя, хорошего помаленьку. Делу время... Место! – властно скомандовал егерь, – и зверь послушно лёг подле крылечка нашего жилого домика – штаба.

– Всё, стало быть, мы попарились, ваш черёд. Долго только не чухайтесь, ужинать пора, потом пятиминутка и на боковую, утро вечера мудренее, – и призывно свистнув мужикам, распорядился на счёт еды, да что бы и про пса не забыли, голодный, поди, заботился егерь о животном.

Такой фейерверк впечатлений и ощущений как в этой моей поездке, я боле уже никогда не испытывал, к великому сожалению.

Есть что вспомнить!

Помывшись, перекусив, чем Бог таёжный послал, мы собрались на крылечке на пятиминутку, выслушать план действий на завтра и ближайшее будущее, который собирался изложить Сафонов.

Пока егеря чего – то там доделывал, мы, ожидая выхода «государя» к народу, посмеиваясь и балагурия, курили.

Наконец вышел начальник и начал с места в карьер – Работы, братва, много, сами знаете. Не прохлаждаться прибыли, это понятно.

Инспекция это вам не хухры – мухры, дело серьёзное.

Браконьерчики – то, небось, соскучились.

Худо вот только, связь с вертушкой пропала, Витёк, займись. Без них мы как без рук, – раздумывая, сделал паузу Сафонов и далее продолжил —

Без борта, мы как в ловушке у чёрта, а с бортом, уроем любого чёрта! – улыбнувшись, подмигнул шеф.

– Это точно, – с ответной улыбкой отозвался Витя – молчун, почёсывая затылок.

– Пойду, гляну чего там... – хотел было смыться Витя, да посмотрев на егеря подумав, сказал —

А вообще – то и после можно... – надвинув на глаза кепку, принял прежнюю позу Молчун.

Я волей неволей приглядывался к людям нашей команды, и всякий раз открывал что – то новенькое в членах славной таёжной дружины.

Каждый в отдельности, представлял собой – таёжника, как говорится, до мозга – костей! Он и отменный стрелок, и знаток премудростей лесных, и спасатель, и лекарь по необходимости, и ещё Бог весть что!..

Все мои товарищи были людьми честными, благородными, надёжными, преданными делу своему и долгу люди, настоящие профессионалы!

Я поневоле сравнивал себя с таёжными братьями и, находил, что мне до них, пожалуй, ещё тянуться и тянуться!..

Зато, успокаивал я сам себя, есть куда двигаться, – умнеть, учась уму – разуму у бывалых мужиков.

8

Так незаметно, без принуждений, втягивался я в таёжную жизнь.

Изложенный план Сафоновым был прост и ясен, группа делилась на две части – первую и вторую. Меня егерь включил в свою, первую, куда вошёл ещё и Витя Молчун.

Во вторую попали Паша Борода и Миша якут.

Подъём назначен был с восходом солнца, с петухами, как сказал бы мой дед, Матвей Михайлович.

Идём на недельку, но при необходимости можем пробыть и подольше, как того потребуют обстоятельства.

Предстояло проинспектировать большущий квадрат: все находящиеся в нём водоёмы, состояние таёжного хозяйства и прочая трудоёмкая работа, как – то – выявление браконьеров, пресечение их варварской деятельности, изъятие незаконных средств добычи живности лесной и т. д.

Предписано брать с собой только самое необходимое.

Каждому выдали рацию для связи в экстренном случае.

Когда все уже разошлись, егерь, задержав меня, тщательно проинструктировал, как и что я должен делать, в чём состоит моя задача и работа, за что несу ответственность в инспекционном походе.

– А вот это, дорогой наш музыкальный милиционер, начальник твой распорядился выдать на всякий пожарный... – и он протянул мне пистолет «Макарова».

– Тайга это она с виду такая спокойная и тихая, глухая... А на деле всякое может случиться, имей ввиду. Но, патроны ты уж прости, «холостые».

Навалилась таёжная, густая, звёздная ночь, прикрывая собой всё спящее и дышащее.

Группа наша, пройдя нелёгкий путь до заимки, подустала и теперь, расслабившись, храпела во всю свою мужицкую мощь!..

Спали ребята хорошо, «вкусно» как – то спали, со вкусом!..

Так, наверное, богатыри русские почивали-отдыхали в былинных наших сказках...

Мне не спалось, и я сидел на крыльце, составляя компанию, дежурившему Вите Горбуненко, который прислонясь к перилам, чистил свой старенький, но, надёжный карабин.

В руках моих был блокнот, в который я записывал разные ощущения, случаи и прочие интересные вещи. Иногда возникали строчки стихов, некие эмоциональные зарисовки...

Витя, поглядывая на меня, напевал себе в бороду, какую – то мелодию и вдруг неожиданно спросил —

Чё ты там всё пишешь и пишешь? – с любопытством хлопал он своими пушистыми ресницами, придающие лицу его выражение доброты и обаяния.

– Да так... мысли всякие... Хорошо здесь, звёздно, чисто, покойно... – отвечал я, вглядываясь в бархатную высь ночного неба.

– Ты до армии – то кем работал, где? – нарушал своё «табу» молчун, интересуясь.

Глянув мельком на Горбуненко, я заметил странную у него особенность, говорить с кем – то, не проявляя никак это внешне, будто и ни он только, что задал вопрос.

– Да так, работал... – как – то неопределённо отвечал я, делая вид, что пишу что – то.

– Работать – то мы все работаем, а вот кем, где... Интересно ж, всё – таки, в одной группе патрулируем, а? – настаивал Молчун.

Через паузу, позёвывая, нехотя я ответил – Оркестром духовым руководил. А что? – отгородился я вопросом в свою очередь.

– Да нет, ни чё... так... Интересно ж... – задымил папиросой погранец. – Музыкант и вдруг... милиция, не логично как – то?... – рассуждал он.

– Жизненно.

Пока служил, жена сюда перебралась с дочкой, мать у неё в соседнем районе живёт, тёща... вот и пришлось после дембеля переквалифицироваться в... милиционеры...

Работы ж у вас по нашей части, сам знаешь, хрен да маленько... А тут объявление – требуется музыкальный руководитель. Надо было в милиции оркестр духовой возрождать, был у них когда – то, да накрылся медным тазом, уволился прежний дирижёр, ну, и... тут я под-вернулся, взяли!..

Вот такие вот дела, товарищ старшина погранвойск, – заключил я, слегка ерничая.

Потрепавшись с Молчуном ещё какое – то время, разошлись по своим «углам». Он – охранять, я – на боковую.

Ночь пролетела в одно мгновение – без снов и неожиданностей.

С первыми лучами всходящего солнца, я уже был на ногах, решил сделать привычную с армии пробежку вместо зарядки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.